

РЕЦЕНЗИЯ НА ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА XX ВЕКА. ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

© 2007 Ю.Т. Листрова-Правда, Ангсумалин Пачит

Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова

Рецензия на Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения – главный редактор Г.Н.Скляревская – С-Пет.: Фолио-пресс, 1998 – 406 с.

В рецензируемом Словаре авторский коллектив ставил целью показать те изменения, которые произошли в русском языке за 12 лет (1985–1997) «на переломе общественной жизни, в период экономических, социальных, политических и психологических катаклизмов и были восприняты языковым сознанием носителей русского языка» (с. 5). В нем должны были найти свое место «в статической словарной статье динамические и интенсивные процессы: лавинообразное словообразование, неконтролируемый поток заимствований, вторжение жаргона в общий язык, новая жизнь слов, обозначающих наиболее актуальные понятия нашего времени, уход в пассив целых пластов лексики эпохи социализма» (с. 5).

Словарь создан на основе Электронной картотеки, составленной авторским коллективом специально для данного словаря и содержащей около 2 млн. словоупотреблений. Источниками выборки послужили материалы прессы 80–90 гг., новейшей художественной литературы (С. Довлатов, В. Кунин и др.), публицистики (А. Сахаров, Д. Волкогонов и др.), а также литературы прошлых лет, которая раньше была недоступна массовому читателю (Н. Бердяев, А. Солженицын и др.). Это позволило тематически отразить основные сферы жизни: политико-социальное устройство и идеологию (*авторитаризм, тоталитаризм*), новые экономические отношения (*бартер, рыночный бизнес-центр*), охранительную и репрессивную деятельность (*КГБ, кагэбэшник, отказник, рэкет, мафия*), мир православия и других религий (*всенощная, окормлять, таинство, кармический, йога, буддийский*), паранормальные явления (*полтергейст, НЛО, колдун, телекинез, астральное тело*), явления массовой культуры (*рок-клуб, шоу-бизнес, диск-жокей*), область медицины (*антиспидовский,*

СПИД, мануальный, хостис, акупунктура), быта (*киви, гамбургер, адидасы*). Помимо материалов Электронной картотеки использовались также материалы Большой картотеки словарного отдела Института лингвистических исследований РАН преимущественно для иллюстрирования лексики, уходящей из активного употребления.

Авторы представили в Словаре стихию разговорной ненормированной речи, в том числе жаргонизмы, широко использующиеся и в письменной речи (*тусовка, беспредел, чернуха, баксы, балдеж, раздрай, дедовщина, дерьмократия, прихватизация*).

Отличительной чертой рецензируемого словаря является дифференциация слов «по положению в языковом сознании современников»: особыми знаками в словаре выделяются слова абсолютной новизны, не зафиксированные «к настоящему моменту», т. е. к 1997 г., ни в одном словаре русского языка (*посткоммунистический, контактер*); слова относительной новизны, отмеченные в словарях последнего десятилетия, отличающиеся повышенной частотностью (*бартер, ваучер, бомж, имидж, инвалюта*), наименования «вернувшихся в жизнь нашего общества реалий (*губернатор, гимназия, гувернер*), слова высокой активности и семантических приращений, связанных с актуализацией обозначаемых ими понятий (*аренда, рынок, демократия, банк*), слова, которые в советский период стойко ассоциировались с жизнью капиталистических стран и имели соответствующие словарные характеристики», а теперь обозначающие реалии нашей действительности (*инфляция, коррупция, многопартийность, забастовка, безработица, бизнес, банкир*); обозначения возрожденных понятий духовной жизни и нравственности (*милостыня, благотворительность, праведник, святой, призрение*).

Однако надо отметить нечеткость границ между словами лексических групп, различающихся разной степенью новизны или устарелости, а также некоторую непоследовательность в харак-

теристике слов одной и той же группы. Так, на с. 505 слово *приватизация* характеризуется как возвращенное из пассива в актив, а на с. 9 оно же приводится в числе заимствованных слов, вошедших в русский язык в результате открытости современного общества для международных контактов. Слово *менеджер* на с. 383 характеризуется как возвращенное из пассива в актив, на с. 9 — как заимствование последних лет. Не со всеми характеристиками слов можно согласиться и в других случаях. Так, слово *аудитор* на с. 66 дается как абсолютно новое, однако справка из БАС-2 позволяет усомниться в этом, т. к. в дореволюционной России это слово употреблялось в двух значениях: 1) должность судебного следователя, 2) ученик духовной семинарии, назначенный учителем проверять знания своих товарищей.

«Как особая группа слов описываются (с соответствующим знаком) советизмы — ушедшие», как считают авторы словаря, «в пассив слова и словосочетания, обозначающие характерные понятия советского времени, идейные и политические штампы (*соцсоревнование, идейно-воспитательный, сеть партийной учебы, правофланговый, переходящее знамя, ленинская вахта*)» [1, 6]. Однако нам представляется несколько поспешным относить к пассивному составу большую группу слов, например, *актив, дружинник, агитпункт, коллективизм, социал-демократ, социализм, общественник, пропагандист, самодеятельность* и многие другие, которые не потеряли своей актуальности и в настоящее время используются в СМИ, не говоря уже о речи старшего поколения россиян, членов КПРФ. Лишь некоторые из выделенных в рецензируемом словаре слов — «советизмов» имеют соответствующие указания в новейших толковых словарях русского языка на среду обитания, например, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Швед, 2000, слово *партия* в одном из своих значений: в СССР Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), а затем Коммунистическая партия Советского союза; *советский* — 1) относящийся к стране Советов, 2) рожденный в СССР. Попытка выделить слова, обозначающие ранее в определенных контекстах и сочетаниях явления советской действительности, заслуживает внимания. Однако многие из этих слов все-таки пока не ушли в пассив, и для их выделения в Словаре нужен особый знак, который их не приравнивал бы к историзмам эпохи царизма.

В целом же нужно согласиться с авторами Словаря, что, «отражая наиболее подвижную часть словарного состава на уровне короткого временного отрезка, словарь служит дополнением к существующим толковым словарям русского языка и одновременно может быть воспринят как

модель лексикографического описания языковой динамики» (с. 6).

Другой отличительной чертой рецензируемого словаря является характеристика и обобщение авторами словаря языковых изменений, произошедших в лексике русского языка за 12 лет, и рассмотрение их (во введении) с точки зрения источников и способов словообразования. Эти характеризующиеся новизной наблюдения могут быть использованы при дальнейшем изучении языковых изменений русского языка и стать предметом обсуждения лингвистами, изучающими русское словообразование на широком культурно-историческом фоне.

Авторы словаря отметили прежде всего лавинообразный характер словообразования, в результате чего «сформировались и быстро стали широко употребительными гнезда слов, отражающих наиболее актуальные понятия нашего времени: *перестройка* (*перестроечный, перестроечник, антиперестроечный, доперестроечный* и др.); *рынок* (*рыночник, антирыночник, антирыночный, дорыночный, нерыночный, квазирыночный* и др.)» (с. 8-9). Отмечается также активизация некоторых словообразовательных аффиксов: приставки *раз-* / *рас-* (*разбалансирование, разбюрократить, разгосударствление, раскулачивание, расчеловечение, расказачивание*), *де-* (*декоммунизация, департийзация, десоветизация, дефедерализация, деполитизация, деидеологизация*), новая волна аббревиации, при которой, как правило, аббревиатура также вступает в словообразовательный процесс, образуя целые ряды новых производных слов: *ОМОН* (*омоновец, омоновский*); *БОМЖ* (*бомжонок, бомжиха, бомжевать*).

Как проявление языковых инноваций нашего времени авторы отмечают также семантическое преобразование, протекающее сейчас «чрезвычайно интенсивно; стремительно расширяется также сочетаемость слов (*рыночный, рублевый* и др.), что приводит к быстрому образованию новых значений (*рыночная реформа, рыночные страны, рыночные стимулы производства, рыночная инфраструктура, рыночные условия, рыночные механизмы, рыночное мышление; рублевые средства, кредиты; рублевая прибыль; рублевый счет; рублевый бизнес; рублевая зона; рублевый бар, магазин; рублевое казино*)».

Отмечается также как результат интенсивной демократизации языка выход за пределы устной бытовой речи потока сниженной, жаргонной, а нередко и нецензурной лексики, которая «буквально затопила все жанры, требующие экспрессии: газетные и телевизионные репортажи, публицистические выступления, политические дебаты: *балдеж, беспредел, разборка, фанера, качать права, вешать лапшу на уши*». Эта лексика ранее крайне

осторожно допускалась в словари нормативной лексики; однако сейчас ее удельный вес в разных жанрах очень велик, нередко она полностью нейтрализуется, утрачивая экспрессию сниженности (как слово *беспредел*).

Нужно согласиться с авторами Словаря: Словарь опирается на традиции русской академической лексикографии; словарные статьи традиционно разрабатываются на обширном лексическом материале; используются разные типы и виды толкований, грамматических, стилистических и других квалификаций. При этом авторы создали Словарь, в котором сделана попытка описать «не статичное состояние лексической системы (или ее фрагмента), а ее динамику, те сложные, переkre-

щивающиеся и противоречивые процессы, которые происходят в настоящее время» (с. 10-11).

Авторы словаря считают, что русский язык последнего десятилетия XX в. «демонстрирует низкий уровень стабильности лексической системы» (с. 8). Недочеты словаря, которые отмечались выше, и поспешность в интерпретации так называемых советизмов также в определенной мере обусловлены новизной концепции словаря, в котором впервые описывается не статичное, а динамичное состояние русской лексической системы.

Рецензент — О.Н. Чарыкова.

Статья принята к печати 24.02.2007 г.